

УДК 94(47+57)

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ XX ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1990–2010-Е ГГ.)

Безугольный А. Ю.

*Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва)
E-mail: besu111@yandex.ru*

Проанализированы новейшие украинские исследования проблем военной истории Украины XX в. Особое внимание уделено взглядам украинских историков на события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Украина, пострадавшая от нацизма не меньше, чем Россия, напряженно рефлексировала на тему войны. Как и российское общество, украинское ищет и находит в ней важные вехи своей идентичности, однако они кардинально отличаются от российских и даже прямо противоположны им. Исследованы причины и тенденции пересмотра традиционных концепций военной истории украинского народа XX в. в рамках единого государства (Российской империи, СССР). Показаны усилия украинского исторического сообщества по поиску национальных корней *вне* российского/советского имперского контекста. Несмотря на очевидный синкретизм военной истории украинского и русского народов, прошедших все войны плечом к плечу и всегда составлявших ядро и Русской императорской, и Советской армий, украинские историки находят те исторические моменты, когда украинцы мнимо или на деле шли своим собственным путем в военном строительстве. Получается лоскутная картина, которая, тем не менее, встречается в современной украинской литературе слишком часто, чтобы считать ее маргинальной. При определенной вариативности тематики неизменными и ключевыми ее элементами являются: военное строительство украинских государственных образований периода 1917–1920 гг., военная организация Карпатской Украины и история вооруженных формирований ОУН–УПА в годы Второй мировой войны. В перечисленном, на первый взгляд, случайном наборе разновеликих исторических эпизодов красной нитью проходит одна ключевая мысль: каждый из них, так или иначе, трактуется как шаг в направлении строительства вооруженных сил *независимого* украинского государства. Тем самым конструируется искомая *историческая традиция* современных вооруженных сил Украины. Рассмотренный историографический материал убедительно показывает, что историческое прошлое нередко ставится на службу современным политическим задачам и из него выбирается то, что для решения этих задач наилучшим образом подходит. Современная украинская историография являет собой не единственный, но один из наиболее ярких примеров этого.

Ключевые слова: историография, национальные формирования РККА, национальная политика на Украине, военное строительство на Украине, Великая Отечественная война, мобилизация.

В странах, входивших прежде в состав Советского Союза, тематику исследований в области военной истории новейшего времени диктуют актуальные задачи политической и этнонациональной самоидентификации. Россия здесь не является исключением, однако в этой статье речь пойдет о ее соседях. Как отмечает один из ведущих отечественных этнологов академик В. А. Тишков, «конструирование прошлого», создание «версии прошлой жизни, которая ведет к современности... на основании выборочной организации прошлых событий», является важнейшим фактором современной этнической и национальной самоидентификации [1, с. 498–499].

Отношение к своему советскому прошлому в значительной степени обуславливается как сегодняшним внутривосточным положением в этих странах, так и их взаимоотношениями с Россией как наследником Советского Союза. За редкими исключениями научная проблематика в военно-исторической сфере существенно отличается от российской, и эта трансформация в осмыслении совместной военной истории продолжается под воздействием новейших политических потрясений, таких например, как события 2014–2015 гг. на Украине. Переоценке подлежит еще совсем недавнее в историческом масштабе прошлое, актуализированное в бесчисленном нарративе уходящих поколений об их общем боевом прошлом. И это создает дополнительную этическую и политическую нагрузку историческим исследованиям.

Утверждение о том, что совместная советская военная история находится в центре внимания историков постсоветского пространства, чьими усилиями вырабатывается новое национальное самосознание, было бы большим преувеличением. Напротив, они увлечены поисками своих корней *вне* российского/советского имперского контекста. Как правило, самую плодотворную почву в этом плане дает краткий период государственной независимости между распадом Российской империи и становлением единого советского государства на рубеже 1910-х и 1920-х гг.

В то же время некоторые темы и исторические периоды вызывают интерес историков постсоветского пространства. В отношении межвоенного периода – это прежде всего опыт национального военного строительства на территориях союзных республик, широко развернутого в 1920–1930-х гг., а в 1940-е гг., разумеется, главное внимание обращено осмыслению (и переосмыслению) участия народов СССР в событиях Великой Отечественной войны. Последнее событие вообще служит своего рода камертоном настроений национальных исторических сообществ. В ряде стран это отношение почти не изменилось или даже осталось по-советски догматичным (Белоруссия, а также в значительной степени – Армения, Казахстан, Киргизия), в других же, напротив, переосмысливается в том смысле, что государствообразующий этнос стал жертвой злодеяний сразу двух тоталитарных режимов: и нацистского, и советского (Украина, Грузия, страны Прибалтики). Участие представителей титульного этноса в вооруженной борьбе против нацистов в рядах Красной армии во втором случае трактуется как результат принуждения одной из деспотий, вызывает стремление отмежеваться от советского режима и от его институтов. «Народ не тождественен сталинизму. Не сталинский режим защищали украинцы, а себя, свою землю, свою Отчизну», – отмечается в одной из работ [2, с. 50]. Позиция жертвы большой игры великих держав оправдывает и всевозможные коллаборации «малого» этноса с разными сторонами конфликта, трактуемые как морально приемлемые стратегии выживания нации в условиях тоталитарного гнета. Такому подходу органичен страдательный настрой и пристальное внимание цене победы, которую пришлось заплатить представителям данного этноса на войне, которая на большей части постсоветского пространства понимается как чужая, навязанная. Особенно сильны такие настроения на Украине.

Украина, пострадавшая от нацизма не меньше, чем Россия, напряженно рефлексировала на тему войны. Как и российское общество, украинское ищет и находит в ее истории важные вехи своей идентичности. Украинская академическая историография разделяет второй из описанных модусов отношения к войне, стараясь примирить в рамках единой историографической традиции всех украинцев, участвовавших в вооруженной борьбе (красноармейцев, красных партизан, бойцов УПА). «Аксиоматической, по нашему мнению, – отмечалось в одном из ведущих академических журналов, – является необходимость примирения тех, кто реально противостоял друг другу в 1939–1945 гг., чествовать всех, кто бился за свой народ против фашистских полчищ, кто боролся за свободную Украину [2, с. 42]. «Примириются» между собой, прежде всего, украинские националисты («Организация украинских националистов» [ОУН] и его вооруженное крыло – «Украинская повстанческая армия» [УПА]), получившие официальную дефиницию «борцы за независимость» (и ореол героев и мучеников), и украинцы, воевавшие в составе РККА и в советских партизанских отрядах (они понимаются скорее уже не как герои-освободители своей земли, а безвольные и безгласые винтики советской военной машины). Не остаются без внимания и украинцы, прямо служившие в коллаборационистских формированиях, например, в дивизии СС «Галичина». На них также распространяется примирительная риторика, хотя и в меньшей степени, чем к перечисленным выше категориям. Следует отметить: не только Вторая, но и Первая мировая война разделила украинцев, сотни тысяч которых воевали по обе стороны фронта. По отношению к ним также применяется «примирительный» метод, объясняющий, что «основной причиной братоубийственной войны» для украинцев стало «отсутствие собственного государства» [3, с. 9].

До недавних пор наряду с изучением деятельности националистов на западе Украины историки не отказывались от традиционных взглядов по вопросам периодизации Великой Отечественной войны и подходов к ее изучению [4; 5; 6]. В академических исторических журналах и альманахах («Украинский исторический журнал», «Архивы Украины», «Украинский исторический сборник», «Страницы военной истории», «Украинское краеведение») нередко выходили статьи с разборами операций советских войск на территории Украины в 1941 и 1943–1944 гг., давались оценки оккупационной политике нацизма и понесенным Украиной в результате войны потерями. И если в научно-популярной литературе и исторической публицистике националистический поворот в сторону «украинства» как независимого от России цивилизационного пути произошел давно, то в академических публикациях достаточно традиционный взгляд на историю Великой Отечественной войны мирно сосуществовал с изучением «национально-освободительного движения», т. е. движения западноукраинских националистов.

В последние годы в связи с известными событиями, повлекшим полный политический и культурно-ментальный разрыв с Россией, многократно усилилось стремление оформить «развод» совместного исторического пути, который в случае с историей Великой Отечественной войны казался незыблемо синкретичным. До недавних пор своего рода оплотом традиционного подхода к научному изучению событий Великой Отечественной войны и участия украинцев в вооруженной борьбе

в составе РККА оставался главный военный музей страны – Мемориальный комплекс «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Однако 16 июля 2015 г. он сменил курс в связи с принятием закона о декоммунизации и был переименован в Музей истории Украины и Второй мировой войны.

В настоящее время термин «Великая Отечественная война» вовсе выведен из официального и научного оборота, и это, очевидно, означает, что по крайней мере на современном историческом этапе полный отрыв от некогда единой с российской историографией традиции изучения событий 1939–1945 гг. завершен.

Таковы, на наш взгляд, общие тенденции развития украинской военной историографии. Что же представляют собой содержательно основные проблемы, интересующие украинских военных историков? В рамках монографий, диссертационных исследований, статей украинской исторической наукой как решаются отдельные частные вопросы, так и предлагаются общие концепции военной истории Украины в целом.

Строительство национальных воинских частей в межвоенный период в союзных республиках СССР и некоторых автономиях РСФСР велось в рамках государственной политики коренизации, расцвет которой пришелся на первую половину 1920-х – начало 1930-х гг. Коренизация включала в себя комплексные политические, социальные, культурные, языковые преференции местному коренному населению (отсюда специфические неологизмы – «украинизация», «белорусизация», «тюркизация» и т. п.) перед считавшимися пришлыми, некоренными этносами – прежде всего, русскими. В военном строительстве коренизация реализовывалась в формировании национальных воинских частей, в которых язык командования и обучения был украинским.

В украинской академической литературе, вышедшей до 2014 г., политике коренизации на Украине давалась в целом положительная оценка. Как отмечалось в одной из обобщающих работ по истории Украины, «если в других национальных республиках коренизация так и осталась аппаратной кампанией, то в Украине она приобрела многие признаки мощного национального возрождения» [7, с. 606]. В работе Института истории Национальной академии наук Украины «Украинизация 1920–30-х гг.: Предпосылки, достижения, уроки» отмечается, что «за десять лет «украинизации» (1923–1933) украинцы превратились в структурно полноценную, дружную и консолидированную нацию – то есть, обрели все те характеристики, которых им так не хватало во время революции 1917–1920 гг.» [8, с. 188].

Реализации политики коренизации в военной сфере на Украине также уделяется внимание. В обобщающей работе «История украинского войска» рассмотрены вопросы украинизации частей Украинского военного округа (УВО) в середине 1920-х гг., особенности языковой политики и партийно-политической работы в войсках, подлежавших украинизации [9, с. 230–282]. Авторы справедливо рассматривают украинизацию частей РККА в УССР в контексте политических процессов на Украине, когда апологеты коренизации в регионе (прежде всего нарком юстиции и генеральный прокурор УССР Н. А. Скрипник) пытались использовать их для реализации модели украинского «национал-коммунизма»

[9, с. 318–331]. История украинских частей РККА показана на фоне общей картины публичной и негласной политической борьбы между сторонниками углубления украинизации и т. н. «великодержавниками», чьи позиции с конца 1920-х гг. неуклонно усиливались [9, с. 331].

Отмечаются и негативные аспекты национального военного строительства, связанные с межнациональной напряженностью в ходе украинизации частей Красной армии в 1920-х гг. [9, с. 299–305]. Принятый пятилетней программой национальных формирований объем украинских частей не охватывал значительной части призывного контингента с Украины [9, с. 154]. Последовавшее в 1930-х гг. расформирование всех без исключения национальных частей РККА (в случае с Украиной оно произошло уже в начале десятилетия) трактуется в узко-конспирологическом контексте: Сталин-де «хорошо осознавал, что существование республиканских военных формирований будет постоянно питать национальную идею, поддерживать веру и стремление народа к реальной независимости» [10, с. 113]. Более широко на проблему смотрят авторы труда об украинизации: по их мнению, сворачивание национального военного строительства, в частности на Украине, начавшееся фактически уже в 1931 г., было вызвано общим осложнением политической обстановки в республике в связи с форсированием колхозного строительства и голодомором, значительно ухудшившими морально-политический климат в республике и вызвавшими брожение в украинских воинских частях [8, с. 163].

По теме украинизации воинских частей в межвоенный период защищено несколько диссертаций [11; 12]. В работе Л. В. Гриневич отмечается положительный аспект украинизации в военном деле, связанный с повышением статуса национального языка и позитивным влиянием на формирование национальной идентичности украинцев [11, с. 23]. В то же время автор чрезмерно демонизирует высшее руководство страны, которое якобы всячески ограничивало национальное военное строительство в СССР [11, с. 23], что не подтверждается документальным материалом. Действительно имевшие место многочисленные задержки в развитии нацформирований были вызваны, прежде всего, нехваткой средств, национальных командных кадров и неподготовленностью воинского учета населения в национальных регионах СССР [13, с. 35–42; 14, с. 58–70].

Среди вопросов истории Великой Отечественной войны, интересующих украинских историков, выделяются проблемы мобилизаций местного населения в ряды РККА в 1943–1944 гг. и роста удельного веса украинцев в частях Красной армии в этот период. Правда, этим исследованиям недостает конкретного цифрового материала, а иногда сноски на статистические выкладки просто отсутствуют [15, с. 117]. В кандидатской диссертации В. А. Гриневича отмечается перманентная неустойчивость национального состава действующей армии в связи с непрерывным потоком пополнений в них из различных республик. Также справедливо подчеркивается, что с начала 1944 г. пополнения из Западной Украины стали большой проблемой для комплектовующих органов РККА, причем сложность представляла как сама мобилизация, так и дальнейшее использование этой категории военнослужащих в бою [16, с. 10–11]. В коллективной монографии,

посвященной военному строительству на Украине, сделаны интересные наблюдения об изменениях численности военнослужащих в последний период Великой Отечественной войны в 1944–1945 гг., на что прежде редко обращалось внимание историков. По подсчетам авторов, в ряде армий 1, 2, 3-го Украинских фронтов число украинцев в это время значительно превышало число русских и достигало 50–80 % [17, с. 196]. Например, в 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта к весне 1944 г. насчитывалось 57 % украинцев, 35 % русских, 0,8 % белорусов, 1,3 % татар, 1,5 % евреев, 1,4 % представителей республик Закавказья, 1,7 % представителей Средней Азии и 1,3 % представителей других народов [17, с. 196]. Отмечается, что к концу войны, по мере того, как иссякали мобилизационные возможности освобождаемых территорий УССР, удельный вес украинцев в частях действующей армии вновь упал и не превышал 20–25 % [9, с. 345]. Эти утверждения можно признать справедливыми, хотя они и опираются только на отрывочные статистические сведения. Недавно обнаруженные автором данной статьи в Центральном архиве Министерства обороны РФ документы Организационно-учетного управления Главного организационного управления Генерального штаба РККА подтверждают, что этнический состав РККА существенно колебался в различные периоды войны и на различных фронтах и удельный вес украинцев в составе войск перечисленных фронтов действительно резко вырос. В середине 1944 г. общее число украинцев в составе РККА достигало 2,56 млн чел. Это был второй по абсолютной численности и удельному весу этнос в рядах РККА после русских.

В последние годы в украинской историографии развивается тема советских войсковых мобилизаций на территории республики в 1943–1944 гг.. В кандидатской диссертации [18] и статьях [19, с. 103–112; 20, с. 74–78; 21, с. 129–139] Л. Рыбченко (ныне – заместитель директора Национального музея Украины), статьях О. Е. Лисенко [22, с. 19–42], Л. Легасовой, Н. Шевченко [23, с. 20–31] представлены результаты анализа специфического типа источников, еще не исследованного в России. В 2000-е гг. распоряжением правительства Украины в данный музей из областных военкоматов были переданы все дела (свыше 9 тыс. единиц хранения [22, с. 20]) военкоматов с уведомлениями граждан из воинских частей о безвозвратных потерях (в просторечье – похоронках). Записи о похоронках, содержащие сведения о дате и месте призыва гражданина, а также дате и месте гибели и захоронения вносились в специальные книги, которые и стали сейчас предметом изучения. Проведя содержательный и количественный анализ документов одного из районов Киевской области (Обуховского), автор делает ряд наблюдений о масштабах и методах мобилизаций, степени военной выучки мобилизованных украинцев, сроках отправления их на фронт и приходит к выводу о том, что нередко «только что мобилизованные жители освобожденных украинских сел сразу попадали в бой». Часть из них гибла в первом же бою недалеко от родных мест и даже захоранивалась родственниками. К тому же выяснилось, что подавляющая часть местных жителей не бралась на воинский учет [21, с. 133]. В то же время автор соглашается, что такая практика, судя по всему, была повсеместной, а не велась целенаправленно только в отношении украинского населения, поскольку

она осуществлялась в порядке выполнения директивы Ставки ВГК № 089 изданной еще 2 февраля 1942 г., задолго до освобождения Украины. Данная директива разрешала военным советам армий в ходе наступления пополнять свои ряды упрощенным порядком, вне установленной процедуры призыва военкоматами.

Вопрос о мобилизациях – часть большой темы украинской историографии о цене участия украинского народа в войне. Ответственность за заплаченные жизни украинцев как бы раскладывается между гитлеровским и сталинским режимами. По данным, озвученным в 2015 г. доктором исторических наук О. Е. Лисенко, эти данные колеблются в широких рамках от 1,7 до 4,1 млн чел. [24, с. 561]. Общие демографические потери народа Украины (т. е. потери военнослужащих, мирного населения и показатели, связанные со снижением рождаемости) оцениваются на современной Украине в 13,5–14,5 млн чел. [22, с. 21].

В 2000-е и 2010-е гг. в ответ на запрос радикализирующегося общества, магистральный путь украинской военной историографии все более смещается к периодам истории полной или частичной государственной независимости украинских земель. В XX в., несмотря на очевидный синкретизм военной истории украинского и русского народов, прошедших все войны плечом к плечу и составлявших ядро и Русской императорской, и Советской армий, украинские историки находят те исторические моменты, когда украинцы мнимо или на деле шли своим отдельным путем в военном строительстве. Получается довольно лоскутная картина, которая, однако, встречается слишком часто, чтобы считать ее маргинальной. Ее можно встретить не только в научно-популярных [25], но и в академических изданиях [26], вузовских учебниках по современной истории Украины [7] и программах спецкурсов по военной истории [3]. Итак, к важнейшим вехам украинской военной истории сейчас относят: «украинские войсковые формирования в годы Первой мировой войны» (здесь имеются в виду украинцы в составе австро-венгерских войск), «украинизация частей русской армии в 1917 г.»; далее следует большой блок, охватывающий военное строительство в период независимых государственных формирований в период в 1917–1920 гг., именуемое «борьбой украинских Вооруженных сил за украинскую государственность на протяжении национально-освободительной борьбы украинского народа 1917–1920 гг.» (армия гетмана П. Скоропадского, Украинская народная республика, Украинская Галицкая армия); украинизация частей РККА в СССР в 1920–1930-е гг.; вооруженные силы Карпатской Украины в 1938–1939 гг., история Украинской повстанческой армии и «история Народного комиссариата обороны СССР 1944–1945 гг.». При определенной вариативности тематики неизменными и ключевыми остаются: военное строительство независимых украинских государственных образований периода 1917–1920 гг. (различным ее аспектам посвящены десятки работ), военная организация Карпатской Украины и история вооруженных формирований ОУН-УПА. В перечисленном, на первый взгляд, случайном наборе разновеликих исторических эпизодов красной нитью проходит ключевая мысль: каждый из них так или иначе трактуется как движение в направлении строительства независимых вооруженных сил, даже если это движение было изначально формальным (как с учреждением в 1944 г. украинского наркомата обороны, о

котором речь пойдет ниже). И напротив, логика этой концепции позволяет пренебречь участием миллионов украинцев в вооруженной борьбе против нацизма в рядах РККА. Порой целые монографии, посвященные истории вооруженных сил Украины XX в., обходятся даже без упоминания этого. Например, в последнем большом издании в 2016 г. «Истории украинского войска», подготовленной сотрудниками исторического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко, повествование неожиданно обрывается 1921 годом, а возобновляется вновь только на формировании войск Карпатской Украины в конце 1930-х гг., а затем – националистической организации ОУН в период Второй мировой войны [26]. Таким же образом построена монография А. Папикяна «Вооруженные силы Украины двадцатого столетия» [27]. В тех же работах, где боевые действия не территории Украины в 1941 и 1943–1944 гг. все же рассматриваются, это делается подчеркнуто отстраненно: две огромные армии схлестнулись в сражении за богатую украинскую землю.

Наиболее характерный пример представляет серия книг «История без цензуры» крупнейшего украинского издательства «Клуб семейного досуга», в которой вышли коллективные монографии «Поле битвы Украина» [25] «От Рейхстага до Иводзимы» [28], и другие, которые готовят специалисты Института истории Украины НАН и Института национальной памяти, а также Киевского национального университета им. Т. Шевченко. Книги выходят в популярном формате, без научно-справочного аппарата, однако проходят все научные процедуры, рецензируются и рекомендуются к изданию ученым советом исторического факультета университета и, таким образом, могут считаться выражением взглядов современного научно-исторического сообщества Украины. В книге «Поле битвы Украина» в главе о Второй мировой войне не нашлось места участию украинцев в боях на советско-германском фронте в составе РККА. Зато утверждается, что Вторую мировую войну открыла так называемая Карпатская Украина – самопровозглашенное государство, появившееся в середине марта 1939 г. и просуществовавшее лишь несколько дней. Ее вооруженные силы, как указывается в книге, насчитывали не более 2 тыс. чел., из которых не более 300–400 чел. были обмундированы [25, с. 297]. Отдельные подпункты главы посвящены боям войск Карпатской Украины («сечевиков») – бою на Красном поле, которую авторы называют «решающей битвой». Со стороны Карпатской сечи в «битве» приняло участие три сотни бойцов, вооруженных легким оружием... Общие потери украинцев в боях составили около 1 тыс. чел. [25, с. 299]. Из описанных событий делается важные выводы: «Таким образом, – отмечают авторы книги, – первая попытка украинцев восстановить независимость и вернуть Украину на карту Европы как субъект международной политики провалилась» [25, с. 300]. Затем войну продолжили 120 тыс. украинцев из числа граждан Польши, призванных в сентябре в польскую армию [25, с. 305]. Есть описание приграничного сражения 1941 г. и оккупации Украины. Освещены бои УПА с НКВД в 1944 (бой под Гурбами), участие 250 тыс. украинцев в коллаборационистских формированиях на стороне антигитлеровской коалиции. Нет только украинцев из Красной армии. Вторая упомянутая выше книга «От Рейхстага до Иводзимы» структурирована

аналогичным образом, а само название подталкивает читателя к мысли о том, что украинцы различных гражданств и места жительства отличились решительно на всех фронтах Второй мировой войны.

Еще один характерный пример – многократно переиздававшийся учебник для вузов «История Украины» [7, с. 658–700] известного политика, доктора исторических наук В. М. Литвина. Участию Украины во Второй мировой войне в нем уделена одна глава, но вся она рассказывает о борьбе с немецкими оккупантами повстанцев ОУН и УПА.

Редкая работа, публикуемая на Украине обходит стороной тему так называемого «выхода Украины на международную арену» в 1944 г., когда Верховный Совет СССР 1 февраля 1944 г. неожиданно принял конституционный закон об образовании в союзных республиках СССР наркоматов обороны и наркоматов иностранных дел [15, с. 314–320]. В советской, да и российской историографии кардинальные конституционные изменения не получили никакого отражения в изданиях по истории союзных республик; наверное, потому, что реальные их исторические последствия были ничтожны. Борясь за максимальное представительство в формируемом для послевоенного международного органа (ООН), советское руководство выдвинуло на внешнеполитическую арену сразу все 15 союзных республик СССР, наделив их формально самостоятельной оборонной и внешнеполитической функциями. В дальнейшем проблема для Советского Союза была решения путем учреждения Совета Безопасности ООН и наделением его членов правом вето. Комбинация с 15 республиками СССР оказалась не нужна, хотя в ООН удалось продвинуть Украину и Белоруссию. Формально в этих республиках еще много лет, вплоть до 1977 г. (!) [10, с. 113] продолжали действовать самостоятельные наркоматы (министерства) обороны, дав почву для еще одного историографического мифа.

На Украине этот неожиданный политический маневр комментируют многие авторы. Появляются отдельные исследования на эту тему [10, с. 109–114; 29, с. 29–35]. Внимание сугубо формальному шагу сталинского руководства, оказавшемуся холостым выстрелом на дипломатическом фронте (и это признается украинскими авторами [10, с. 113–114; 7, с. 695]), объясняется не пристрастием к деталям, а сугубо практическим интересом к правовой коллизии: в 1945 г. Украина наряду с Белоруссией все же была признана субъектом международного права и участвовала в подписании Статута ООН, оказавшись ни много ни мало в числе основателей Организации Объединенных Наций. «Таким образом, воюющей стороной во Второй мировой войне Объединенными Нациями признана Украина, ее народ», – делается заключение в одной из работ [2, с. 44]. Если добавить к этому, что украинцы, точнее «украинство», первым начали вооруженную борьбу с союзниками нацизма [2, с. 45] (это как раз «сражения» карпатских сечевиков с хортистами в марте 1939 г.), то формируется четкая картина того, как украинцы начали и закончили Вторую мировую войну.

Рассмотренный историографический материал убедительно доказывает тезис, выдвинутый в начале данной статьи: историческое прошлое нередко ставится на службу современным политическим задачам и из него выбирается то, что для их

решения наиболее подходит. Современная украинская историография являет собой, конечно, не единственный, но один из наиболее ярких примеров этого.

Список использованных источников и литературы

1. Тишков А. В. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
Tishkov A. V. Rekviem po jetnosu. Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii. – М.: «Наука», 2003. – 544 s.
2. Шевченко В. До питання про характер боротьби українського народу против фашистських агресорів (1939–1945 рр.) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. – 2008. – Вип. 11. – С. 42–53.
Shevchenko V. Do pitannja pro harakter borot'bi ukrains'kogo narodu proti fashists'kih agresoriv (1939–1945 rr.) // Storinki voennoï istorii Ukraïni: Zb. nauk. st. – 2008. – Vip. 11. – S. 42–53.
3. Мисечко А. І. Методичні рекомендації та програма спеціального курсу «Історія українського війська» для студентів III курсу денного відділення історичного факультету. – Одеса: Одеський національний університет, 2011. – 30 с.
Misechko A. I. Metodichni rekomendacii ta programa special'nogo kursu «Istorija ukrains'kogo vijs'ka» dlja studentiv III kursu dennogo viddilennja istorichnogo fakul'tetu. – Odesa: Odes'kij nacional'nij universitet, 2011. – 30 s.
4. Україна в полум'ї війни 1941–1945. – Київ: Україна, 2005. – 560 с.
Ukraïna v polum'ï vijni 1941–1945. – Kiïv: Ukraïna, 2005. – 560 s.
5. Патриляк І. К., Боровик М. А. Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду. – Київ: Ніжин, 2010. – 590 с.
Patriľjak I. K., Borovik M. A. Ukraïna v roki Drugoï svitovoï vijni: sproba novogo konceptual'nogo pogljadu. – Kiïv: Nizhin, 2010. – 590 s.
6. Герої визволення України / Авт.-упорядник П. Л. Машовець. – Київ: Україна, 2007. – 111 с.
Geroï vizvolennja Ukraïni / Avt.-uporjadnik P. L. Mashovec'. – Kiïv: Ukraïna, 2007. – 111 s.
7. Литвин В. Історія України: підручник / Відп. ред. В. Смолій. НАН України. Інститут історії України. – Київ: Наукова думка, 2013. – 991 с.
Litvin V. Istorija Ukraïni: pidruchnik / Vidp. red. V. Smolij. NAN Ukraïni. Institut istorii Ukraïni. – Kiïv: Naukova dumka, 2013. – 991 s.
8. Українізація” 1920–30-х років: Передумови, здобутки, уроки / В. М. Даниленко, Я. В. Верменич, П. М. Бондарчук та ін.; В. А. Смолій (відп. ред.); Ін-т історії України НАН України. – Київ: Інститут історії України, 2003. – 392 с.
Ukraïnizacija” 1920–30-h rokiv: Peredumovi, zdobutki, uroki / V.M. Danilenko, Ja.V. Vermenich, c. M. Bondarchuk ta in.; V. A. Smolij (vidp. red.); In-t istorii Ukraïni NAN Ukraïni. – Kiïv: In-t istorii Ukraïni, 2003. – 392 s.
9. Історія українського війська (1917–1995). – Львів: Світ, 1996. – 840 с.
Istorija ukrains'kogo vijska (1917–1995). – L'viv: Svit, 1996. – 840 s.
10. Папікян А. До історії народного комісаріату оборони Української РСР (1944–1945 рр.) // Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку: Зб. наук. пр. – Львів: Видавництво Національного університету «Львівська політехніка», 2008. – Вип. 20. – С. 109–114.
Papikjan A. Do istorii narodnogo komisariatu oboroni Ukraïns'koï RSR (1944–1945 rr.) // Ukraïns'ka nacional'na ideja: realii ta perspektivi rozvitku: Zb. nauk. pr. – L'viv: Vidavnictvo Nacional'nogo universitetu «L'vivs'ka politehnika», 2008. – Vip. 20. – S. 109–114.
11. Гриневич Л. В. Військове будівництво в Україні у 20-ті – на початку 30-х рр. XX ст.: національний аспект : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Львов, 1995. – 23 с.
Grinevich L. V. Vijs'kove budivnictvo v Ukraïni u 20-ti – na pochatku 30-h rr. XX ot.: nacional'nij aspekt: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – L'vov, 1995 – 23 s.

12. Бондарь А. Н. Украинизация и национальные формирования в войсках Украинского военного округа в 1922–1935 годах: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Одесса, 1997. – 23 с.

Bondar' A. N. Ukrainizacija i nacional'nye formirovanija v vojskah Ukrainского voennogo okruga v 1922–1935 godah: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – Odessa, 1997. – 23 s.

13. Безугольный А. Ю. Идеология строительства национальных воинских формирований в СССР в 1920-е гг. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2017. – № 1 (34). – С. 35–42.

Bezugol'nyj A. Ju. Ideologija stroitel'stva nacional'nyh voinskih formirovanij v SSSR v 1920-e gg. // Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. – 2017. – № 1 (34). – S. 35–42.

14. Безугольный А. Ю. Национальные формирования РККА в 1930-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – Т. 27. – № 5 (27). – С. 58–70.

Bezugol'nyj A. Ju. Nacional'nye formirovanija RKKa v 1930-e gg. // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN. – 2016. – T. 27. – № 5 (27). – S. 58–70.

15. Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.) – Київ: Альтернативи, 1999. – 336 с. – (Україна крізь віки. – Т. 12).

Koval' M. V. Ukraїna v Drugij svitovij i Velikij Vitchiznjanij vijnah (1939–1945 pp.). – Kiїv: Al'ternativi, 1999. – 336 s. – (Ukraїna kriz' viki. – T. 12).

16. Гриневич В. А. Національні проблеми в Червоній армії в період визволення України від німецько-фашистських загарбників (грудень 1942 – жовтень 1944 рр.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Київ, 1994. – 21 с.

Grinevich V. A. Nacional'ni problemi v Chervonij armii v period vizvolennja Ukraїni vid nimec'ko-fashists'kih zagarbnikiv (gruden' 1942 – zhovten' 1944 rr.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – Kiїv, 1994. – 21 s.

17. Військове будівництво в Україні у ХХ столітті: Історичний нарис, події, портрети. – Київ: Видавничий Дім «Ін Юре», 2001. – 448 с.

Vijs'kove budivnictvo v Ukraїni u HH stolitti: Istoroichnij naris, podii, portreti. – Kiїv, Vidavnicnij Dim «In Jure», 2001. – 448 s.

18. Рибченко Л. В. Радянські військові мобілізації 1943 р. на території Лівобережної України: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Київ, 2010. – 16 с.

Ribchenko L. V. Radjans'ki vijs'kovi mobilizacii 1943 r. na teritorii Livoberezhnoї Ukraїni: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Kiїv, 2010. – 16 s.

19. Рибченко Л. В. Радянські військові мобілізації 1943 року (Київська область, Обухівський район) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. – Вип. 12. – С. 103–112.

Ribchenko L. V. Radjans'ki vijs'kovi mobilizacii 1943 roku (Kiїvs'ka oblast', Obuhivs'kij rajon) // Storinki voennoї istorii Ukraїni: Zb. nauk. st. – Kiїv: Institut istorii Ukraїni NAN Ukraїni, 2009. – Vip. 12. – S. 103–112.

20. Рибченко Л. Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні // Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення. – Київ: Аеростат, 2013. – С. 50–78.

Ribchenko L. Personal'nij oblik ljuds'kih vijs'kovih vtrat Chervonoї armii u Velikij Vitchiznjanij vijni. // Kiїvs'ki adresi spovishhen' pro zagibel': doslidzhennja, dokumenti, svidchennja. – Kiїv: Aerostat, 2013. – S. 50–78.

21. Рибченко Л. В. Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943–1944 років // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. – Т. 19(2). – Київ, 2009. – С. 129–139.

Ribchenko L. V. Dokumental'nij fond z obliku ljuds'kih vtrat Nacional'nogo muzeju istorii Velikoї Vitchiznjanioї vijni 1941–1945 rokov jak dzherelo z vivchennja problemi radjans'kih vijs'kovih mobilizacij

1943–1944 rokiv // Naukovi zapiski. Zbirnik prac' molodih vchenih ta aspirantiv. – Т. 19(2). – Київ, 2009. – С. 129–139.

22. Лисенко О. Є. Важкий шлях до миру: українське суспільство та влада у середині 1940 – на початку 1950-х рр. // Український історичний журнал. – 2015. – № 5. – С. 19–42.

Lisenko O. Є. Vazhkij shljah do miru: ukraïns'ke suspil'stvo ta vlada u seredini 1940 – na pochatku 1950-h rr. // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. – 2015. – № 5. – С. 19–42.

23. Легасова Л., Шевченко Н. Друга світова війна і Україна. Музейний аспект теми // Сторінки воєнної історії України: 36. наук. ст. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. – Вип. 11. – С. 20–31.

Legasova L., Shevchenko N. Druga svitova vijna i Ukraïna. Muzejnij aspekt temi // Storinki voennoi istorii Ukraïni: Zb. nauk. st. – Київ: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2008. – Vip. 11. – С. 20–31.

24. Безсмертя. Книга Пам'яті України. 1941–1945. – Київ: Пошуково-видавниче агентство «Книга Пам'яті України», 2000. – 944 с.

Bezsmertja. Kniga Pam'jati Ukraïni. 1941–1945. – Київ: Poshukovo-vidavniche agentstvo «Kniga Pam'jati Ukraïni», 2000. – 944 s.

25. Поле битви – Україна. Від «володарів степу» до «кіборгів». Воєнна історія України від давнини до сьогодні. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. – 352 с.

Pole bitvi – Ukraïna. Vid «volodariv stepu» do «kiborgiv». Voenna istorija Ukraïni vid davnini do s'ogodennja. – Harkiv: Klub simejnogo dozvillja, 2016. – 352 s.

26. Історія українського війська. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. – 416 с.

Istorija ukraïns'kogo vijs'ka. – Harkiv: Klub simejnogo dozvillja, 2016. – 416 s.

27. Папикян А. Збройні Сили України двадцятого століття. – Львів, Вид-во: ДУ «Львівська політехніка», 1999. – 320 с.

Papikjan A. Zbrojni Sili Ukraïni dvadcatogo stolittja. – L'viv, Vid-vo: DU «L'vivs'ka politehnika», 1999. – 320 s.

28. Від Рейхстагу до Івodziми. У полум'ї війни. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. – 352 с.

Vid Rejhstagu do Ivodzimi. U polum'i vijni. – Harkiv: Klub simejnogo dozvillja, 2016. – 352 s.

29. Гриневич В. Утворення Наркомату оборони УРСР у 1944 році: з історії однієї політичної гри // Укр. іст. журнал. – 1991. – № 5. – С. 29–35.

Grinevich V. Utvorennja Narkomatu oboroni URSR u 1944 roci: z istorii odniei politichnoi gri // Ukr. ist. zhurnal. – 1991. – № 5. – С. 29–35.

Bezgol'nyj A. Yu. Military history of Ukraine of the 20th century in modern Ukrainian historiography (1990–2010)

The article is devoted to the analysis of the latest Ukrainian studies of the problems of the military history of this country in the 20th century. Particular attention is paid to the views of Ukrainian historians on the events of the Great Patriotic War of 1941–1945. It is noted that Ukraine, which suffered from Nazism no less than Russia, is tightly reflecting on the topic of war. Like Russian society, the Ukrainian is looking for and finds important milestones in its identity, however, they are radically different from the Russian ones and even directly opposite to them. In the article the reasons and tendencies of revision of traditional concepts of the military history of the Ukrainian people of the 20th century are considered. In the framework of a single state (the Russian Empire, the USSR). The efforts of the Ukrainian historical community to find national roots outside the Russian / Soviet imperial context are shown. Despite the obvious syncretism of the military history of the Ukrainian and Russian peoples, which have passed all wars shoulder to shoulder and have always been the core of both the Russian Imperial and the Soviet armies, Ukrainian historians find those historical moments when the Ukrainians imagined or in fact went their own way in military construction. It turns out a patchwork picture, which, however, occurs in modern Ukrainian literature too often to be considered marginal. Given a certain variability in the subject matter, its unchanged and key elements are the military construction of Ukrainian state formations of the period 1917–1920, the military organization of the Carpathian Ukraine and the history of the armed forces of the OUN-UPA during the Second World War. In the listed, at first

glance, random set of various historical episodes, one key idea is a red thread: each of them, one way or another, is interpreted as a step towards building the armed forces of an independent Ukrainian state. Thus, the desired tradition of the modern armed forces of Ukraine is being constructed. The examined historiographic material convincingly demonstrates that the historical past is often put at the service of modern political tasks and from it one chooses what is best suited for solving these problems. Modern Ukrainian historiography is not the only, but one of the most vivid examples of this.

Keywords: historiography, national formations of the Red Army, national policy in Ukraine, military construction in Ukraine, the Great Patriotic War, mobilization.